

УДК 396(=511.131)

DOI: 10.30624/2220-4156-2024-14-4-745-758

**Межэтнические семьи в Удмуртии: взгляд современных удмурток
(на материале глубинного интервью)**

Т. Н. Русских

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, Российская Федерация
tatyana_russkih@mail.ru*

С. Н. Уваров

*Удмуртский государственный аграрный университет
г. Ижевск, Российская Федерация,
sergey.uvarov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена этнографическому исследованию межэтнических семей, поскольку именно они оказывают сильное влияние на развитие этнических процессов отдельно взятых регионов и стран в целом. Авторы предлагают взглянуть на межэтнические семьи глазами непосредственных участников – женщин-удмурток.

Цель: выявить стереотипные и культурные установки, проявляющиеся при взаимодействии представителей двух этносов и влияющие на выбор поведенческих стратегий.

Материалы исследования: полевые материалы авторов.

Результаты и научная новизна. Впервые на удмуртском материале межэтнические браки рассматриваются с точки зрения их «непосредственных участников». В Удмуртии, являющейся полиэтничным и поликонфессиональным регионом, тенденция к увеличению смешанных браков по-прежнему сохраняется. Наиболее привычными являются удмуртско-русские семейные союзы, что, скорее всего, связано с близостью истории, культуры и быта этих этносов. Браки же с татарами и с представителями этносов из ближнего зарубежья старшим поколением женщин-удмурток воспринимаются весьма настороженно. В изученных нами семейных союзах супруги сохранили своё этническое самосознание. Основным языком общения является русский, но каждый из родителей, на бытовом уровне учит детей родному языку, рассказывает о традициях своего этноса. В религиозной сфере происходит сохранение конфессиональных предпочтений супругов. Что касается детей, то им в этом предоставлена свобода самоопределения. Необходимо отметить, что в семьях представителей разных этнических групп, но принадлежащих к одной конфессии практически не зафиксированы конфликты и неприятие снохи со стороны новых родственников. По-иному обстоят дела в биэтнических семьях, имеющих разные религиозные предпочтения. Здесь наблюдаются определённые барьеры, которые удмурткам приходилось преодолевать ради сохранения целостности своей семьи. Пути выхода из конфликтных ситуаций выбирались разные: от поиска совместных компромиссов, до кардинального обособления и ограничения общения с новыми родственниками.

Ключевые слова: межэтнический брак, биэтническая семья, межэтническое взаимодействие, брачное поведение, женщины-удмуртки

Благодарности: статья выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/> и в УдГАУ.

Для цитирования: Русских Т. Н., Уваров С. Н. Межэтнические семьи в Удмуртии: взгляд современных удмурток (на материале глубинного интервью) // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 745–758.

**Interethnic families in Udmurtia: the view of modern Udmurt women
(on the material of interview)**

T. N. Russkikh

*Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation,
tatyana_russkih@mail.ru*

S. N. Uvarov

*Udmurt State Agricultural University,
Izhevsk, Russian Federation,
sergey.uvarov@mail.ru*

Introduction: the article is devoted to the ethnographic study of interethnic families, since they have a strong influence on the development of ethnic processes in individual regions and countries as a whole. The author suggests looking at interethnic families through the eyes of direct participants – Udmurt women.

Objective: to identify stereotypical and cultural attitudes that arise during the interaction of representatives of two ethnic groups, their influence on the choice of behavioral strategies.

Research materials: field materials of the author.

Results and novelty of the research: the author's field materials are introduced into scientific circulation. For the first time, on the Udmurt material, interethnic marriages are considered from the point of view of their direct participants. In Udmurtia, which is a multiethnic and multi-confessional region, the trend towards an increase in mixed marriages continues. The most common are Udmurt-Russian family unions, which is most likely due to the proximity of the history, culture and way of life of these ethnic groups. Marriages with Tatars and with representatives of ethnic groups from neighboring countries are perceived very cautiously by the older generation of Udmurt women. In the family unions we studied, the spouses retained their ethnic identity. The main language of communication is Russian, but each of the parents, at the household level, teaches children their native language, talks about the traditions of their ethnic group. In the religious sphere, the spouses' confessional preferences are preserved. As for children, they are given the freedom of self-determination. It should be noted that in families of representatives of different ethnic groups, but belonging to the same denomination, there are practically no conflicts and rejection of the daughter-in-law by new relatives. The situation is different in bi-ethnic families with different religious preferences. There are certain barriers that Udmurts had to overcome in order to preserve the integrity of their family. The ways out of conflict situations were different: from the search for joint compromises, to cardinal isolation and restriction of communication with new relatives.

Key words: interethnic marriage, biethnic family, interethnic interaction, marital behavior, Udmurt women

Acknowledgments: the article was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-01604, <https://rscf.ru/project/23-28-01604/> and in the Udmurt State Agricultural University.

For citation: Russkikh T. N., Uvarov S. N. Interethnic families in Udmurtia: the view of modern Udmurt women (on the material of interview) // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (4/59): 745–758.

Введение

Усиление международной мобильности, погружение в стремительно развивающиеся коммуникационные технологии привели к увеличению числа межэтнических браков. Этнографические исследования семейно-брачных отношений традиционно фиксируются на изучении национально-смешанных семей, поскольку межэтнические браки оказывают сильное влияние на развитие этнических процессов.

В исследованиях зарубежных учёных современный межэтнический брак представлен с разных ракурсов. На примере социальных процессов, протекающих в США и странах Африки, расположенных к югу от Сахары, исследователи показали взаимообусловленность увеличения уровня межэтнических браков и активизации процессов ассимиляции, которые в последствие ведут к ослаблению культурных границ между различными этническими группами. Но, как отмечают исследователи, хотя и биэтнический брак создаёт положительный опыт межэтнического взаимодействия, тем не менее не может стать главным условием для сохранения мира и стабильности в полиэтнических странах [34; 37]. Исследовательский интерес учёных вызывают и гендерные аспекты межэтнических браков. Sarah Shair-Rosenfield, проведя опрос среди жителей Румынии, вы-

явила зависимость отношения родителей к межэтническому браку от пола их ребёнка. Если в межэтнический брак вступает дочь, то большинство опрошенных родителей переживают, что она станет «жертвой культурных прихотей иноэтнической группы», а потому не одобряют такой выбор. В отношении сыновей подобный механизм не срабатывает, поскольку традиционно считается, что кормильцем и главой семьи является мужчина, а потому он сможет противостоять «вызовам» смешанного брака [38, 367]. Rachel Butera и Thierry Warin, проанализировав последствия политики «одного ребёнка» на брачном рынке, пришли к выводу, что межэтнические браки в Китае стали рациональным выбором некоторых женщин, предоставляющим им определённые «выгоды» [35, 760–761]. В свете интеграции иммигрантов в принимающее общество было проведено исследование в Нидерландах, которое показало, что межэтнические браки способствуют адаптации иммигрантов к принимающему обществу, но религиозный фактор становится главным «препятствием» в создании межэтнической семьи [36, 24].

Разные аспекты межэтнического брака находились в объективе внимания отечественных учёных. Часть исследований сосредоточена на истории появления феномена межэтнических браков, их типологизации и динамике

[7; 13; 18; 30]. Объектом научных изысканий также становились формирование и сохранение этнической идентичности супругов, детей в межэтнических браках [1; 14]; ценностные установки и взаимоотношения супругов [6; 21; 29; 33]; гендерные аспекты межэтнического брака [5; 10; 15; 28], влияние межэтнических браков на этнодемографическую структуру общества [9; 20; 24; 25; 26; 27].

Межэтнические браки удмуртов также становились предметом исследований. Исторические предпосылки, послужившие причиной распространения межэтнических браков, были выделены в работах П. Н. Луппова [12], Г. К. Шкляева [31; 32], В. Е. Владыкина [3], Е. В. Поповой [19]. С точки зрения этносоциологии и этнодемографии межэтнические браки удмуртов анализировались в работах В. В. Пименова [17], А. Г. Волкова [4], Г. П. Белоруковой [2], С. Лаллукка [11], С. Н. Уварова [24; 25; 26; 27]. Брачные стратегии поведения и этнические предпочтения в выборе брачного партнёра находились в фокусе исследовательского внимания А. Д. Коростелева [8; 9], Е. В. Поповой [20], Н. Н. Шулаковой [33]. Необходимо отметить, что большинство работ, посвящённых межэтническим бракам, носят социологический или статистический характер. Но за количественными данными статистики остаются размытыми и практически незаметными живые судьбы и уникальный опыт межэтнического взаимодействия отдельного индивидуума.

Материалы и методы

Источником информации стали материалы полевых этнографических исследований, полученные в ходе этнографических экспедиций на территории сельских поселений Балезинского, Кезского, Игринского, Глазовского, Дебесского районов Удмуртии, а также городов Ижевск, Глазов в 2018–2023 гг. Чтобы выявить общие тенденции и отношение к межэтническим бракам, нами были опрошены женщины-удмуртки разных возрастных когорт, состоящие как в межэтнических, так и моноэтнических браках. Но, несомненно, главным источником стали истории 11 женщин-удмурток, заключивших брак или сожительствующих с представителями других этносов.

В работе с информантами использовался в первую очередь биографический метод и метод глубинного полуструктурированного интервью. Опираясь на методологию описания биографических нарративов, разработанную С. Б. Адоньевой, рассказы информантов рассматриваются нами, как жизненный сценарий, т. е. типовая, обусловленная культурой поведенческая стратегия, актуальная для данного этноса и конкретной эпохи, определяющая набор принятых социальных ролей и статусов [16, 25].

Результаты

Необходимо отметить, что отношение к межэтническим бракам в разные времена и в различных населённых пунктах кардинально отличалось. В городах, и посёлках, где проживают бок о бок друг с другом представители разных этносов, подобные браки были частыми, в сельской местности, напротив, вызывали и вызывают некоторую настороженность. Но, как единодушно вспоминают наши респонденты, родители их предупреждали, что выходить замуж лучше всего за представителя своего этноса: «Мы удмурты – мягкие души, слабые сердца. Если хочешь хорошо жить, то замуж нужно выходить за удмурта. Только с удмуртом получается жить в ладу, душа в душу»¹. Тем не менее, послушавшись наставлений своих родителей, наши героини выбрали себе в спутники жизни мужчин другой национальности и конфессиональной принадлежности. В данной статье на личных историях мы проследим, как складывались отношения удмурток с русскими, русскими-старообрядцами, татарами, азербайджанцами, таджиками, узбеками и грузинами, с какими трудностями сталкивались и как решались конфликтные ситуации.

Знакомство

Большинство зафиксированных нами пар сложилось во время учёбы примерно в 1970–2000-е гг.

«Моя мама поехала учиться в Ижевск и там встретила папу. Это было примерно в 1970-е гг.» [ПМА: № 11].

«Мы родились вместе в один день, в один год, в одном роддоме. Потом вместе пошли в школу, учились в одном классе. И как-то всё

¹ Русских Т. Н. Материалы этнографического интервью по теме: «Культура и быт современной семьи» 2023 г. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1705. Л. 4.

дружили, а потом, когда подросли, то поняли, что любим друг друга» [ПМА: № 2]. Респондент вспоминает, что это был 1985 г.

«Познакомились мы очень банально, в троллейбусе <...>. И вот я вошла в троллейбус и стою. Напротив меня стоит парень и пристально смотрит на меня. Я в ответ посмотрела на него осуждающим взглядом, мол, что ты на меня уставился. А он продолжал смотреть. Я доехала и вышла. Он вышел следом и попросил разрешения проводить меня. А я очень сомнительно относилась к подобного рода знакомствам, особенно с “нерусскими”, поэтому я ему отказала. И тут от него последовал ответ, которого я никак не ожидала. Он сказал мне, что если у меня был горький опыт подобных знакомств, то это не повод, чтобы отказываться знакомиться в этот раз. И этот ответ меня зацепил» [ПМА: № 11]. По словам респондента, это был конец 90-ых гг. XX в.

«Это было 2002 г. Примерно тогда почему-то стало много приезжих разных с Кавказа. Мы с подружкой пошли гулять и, проходя мимо кафе, к нам подошли двое мужчин нерусской национальности. До этого у меня не было опыта общения с иностранцами, для меня это были страшные люди с пугающим акцентом и очень не похожи на нас внешне. Он всегда со мной на “вы” разговаривал во время знакомства, так это было необычно даже» [ПМА: № 4].

Были случаи, когда женщина, разочаровавшись в предыдущих отношениях с представителями своего этноса, осознанно выбирала мужчину другой национальности: «Так получилось, что мне не нравились мужчины-удмурты. Они мне казались какими-то слабохарактерными. Я для себя решила, что мне не нужен муж-удмурт. С татаринном я встречалась во время учёбы. Нас познакомила моя подруга. Я была очень сильно влюблена. Он был инициативный. Но мы расстались, потому что его родители настаивали, что у него должна быть женой татарка. Азербайджанцы – сразу нет, слишком другие. Я для себя решила, что хочу мужа-русского. Мы познакомились через мессенджеры. Раньше «Аська» такая была» [ПМА: № 1]. По словам респондента, знакомство с будущим супругом состоялось в 2008 г. Спустя год они зарегистрировали брак, а ещё через год у них появился первый ребёнок.

Ещё одна женщина-удмуртка призналась, что она заключила брак с удмуртом в 1997 г., но испытала разочарование: «Он много пил,

всё хозяйство приходилось тянуть самой, я разочаровалась. Кардинально решила всё поменять, переехала в город, и там следующие отношения у меня были уже с узбеком. Вот так» [ПМА: № 7].

Для одной из респондентов мотивом выбора мужчины другой этнической принадлежности стало желание родить ребёнка «для себя и при этом, не обязывая ни к чему мужчину»: «Мне не нужен был муж. Почему? Не хочу рассказывать, это очень личное. Но я всегда хотела стать мамой. Поэтому мне нужен был мужчина-мигрант, который приехал работать на объект, и когда его работа завершится, просто уедет отсюда. Так я познакомилась с таджиком» [ПМА: № 8].

Таким образом, все наши респонденты познакомились со своими будущими супругами либо по воле судьбы, либо целенаправленно. Знакомства преимущественно происходили в городах или посёлках, которые являются смешанными по этническому составу. Как показало интервью, основным мотивом знакомства и дальнейшего развития отношений были любовь и взаимная симпатия, об этнической принадлежности избранника никто не задумывался. Но были случаи, когда женщины, испытав неудачу в предыдущих отношениях и находясь под влиянием негативных стереотипов о мужчинах-удмуртах, как скромных и нерешительных, осознанно выбирали себе в партнёры представителей других этносов. В этих случаях наставления родителей и вопросы «этнической чистоты» уходили на второй план. Необходимо также отметить, что опрошенные нами женщины-удмуртки, родившиеся в 1920–1940-е гг., демонстрируют отрицательное отношение к межэтническим бракам, считая, что замуж необходимо выходить за представителя своего этноса. Удмуртки 1950–1960-х гг. рождения относятся положительно к бракам представителей разных этнических групп внутри одной конфессии. И, напротив, женщины 1970–1990-х гг. рождения утверждают, что национальность и религия не имеют значения, если «человек хороший и есть взаимная любовь». Данная тенденция находит подтверждение и в работах А. Д. Коростелева, который исследуя этнически смешанные селения Приуралья и Поволжья, фиксирует рост уровня межэтнической брачности в 1980-х гг. и выделяет две «волны». Особенностью «первой волны» были браки, заключённые между представителями разных этносов, но внутри одной – православной

конфессии, вторая связана с ростом доли межконфессиональных браков – между православными и мусульманами [8, 88–89].

Знакомство с родителями

Представление избранника родителям – это важный этап в процессе дальнейшего развития отношений между мужчиной и женщиной. Он предполагает не только знакомство, но и одобрение / неодобрение со стороны родителей, а значит и определяет дальнейший сценарий взаимоотношений новых родственников. Сельские информантки, избранниками которых стали представители этносов ближнего зарубежья, признались, что испытывали волнение и даже страх: «Со своими родителями мне было очень страшно его знакомить. Мама была резко против. Сказала, что у него и паспорта российского нет, вдруг это вообще преступник, что он обманет меня и бросит, что останусь я с малолетними детьми, без образования. Папа принял спокойно, они быстро с ним общий язык нашли. Хотя, наверное, папа внутри переживал, но не показывал. Он всегда такой, всё в себе держит» [ПМА: № 4]. Преимущественно моноэтническое сельское сообщество (особенно женская его часть) относилось и до сих пор относятся настороженно к представителям других этносов. Подобный настрой можно проследить и в словах матери одной из наших героинь: «Я когда поняла, что моя дочь с азербайджанцем встречается, сразу ей сказала, что это ни к чему хорошему не приведёт. Обманет он тебя и бросит, сказала. Вот так и получилось. Они сюда работать приезжают, деньги большие зарабатывать, им нужны что ли наши девушки? У них там свои семьи есть, жены и дети. Моя дочь забеременела и кому она нужна после этого стала? Он её бросил, пришлось ей одной ребёнка растить»¹.

Татарин в качестве избранника так же настораживает родителей девушки: «У нас в деревне раньше девушек предостерегали: замуж за татарина не ходи, говорили. Говорили, что он обижать будет, что муж-татарин свою жену каждый вечер будет заставлял мыть ноги ему и веру свою нужно на мусульманство поменять. И говорят они на своём языке. Дескать, в родню неохотно удмурток берут»². «Моя бабушка, мама моей мамы, когда она узнала, что

дочь влюблена в татарина, сразу не приняла эти отношения» [ПМА: № 11].

Избранника дочери, русского или татарина, родители-удмурты оценивают как очень бойкого, а потому считают, что «он будет руководить в семье и подавлять свою супругу-удмуртку». Но, несомненно, были случаи, когда родители относились с пониманием к выбору дочери и поддерживали влюблённых: «Я вот думаю, что приятие больше зависит от уровня интеллекта. Когда ты образованный, ты свободен от всякого рода предрассудков. Хотя моя теория об уровне интеллекта разбивается вдребезги, когда речь идёт о моих родителях. Я же из простой рабоче-крестьянской семьи, у моих родителей нет высшего образования, но они приняли его очень спокойно. В данной ситуации, наверное, это вопрос безусловной любви, когда ты любишь человека, ты готов принять любой его выбор» [ПМА: № 11].

Ответное знакомство с родителями избранника тоже складывалось по-разному. В большинстве случаев знакомство проходило нейтрально: «Познакомились и дальше живём» [ПМА: № 1]. Если родители избранника жили за границей, то знакомство происходило уже после того, как сложилась семья и родились дети: «С его родителями мы сначала только созванивались. На почте заказывали телефонные переговоры. Границы были закрыты, трудности были с паспортами, поэтому он нас долго не мог увезти в Азербайджан» [ПМА: № 4]. Были случаи, когда знакомство так и не состоялось по разным причинам: отсутствие серьёзных намерений, нежелание будущей невесты, смерть родителей избранника: «Он изначально мне ничего не обещал, поэтому и до знакомства с родителями не дошло. Он просто пропал, после того, как узнал, что я беременна» [ПМА: № 5]. «У меня же не было цели вступить в брак, а уж тем более породниться. Мне от него нужен был только ребёнок. Поэтому знакомиться с его родственниками мне не хотелось, а он не настаивал» [ПМА: № 8]. «Его родителей уж и в живых-то, наверное, не было. Он меня познакомил со своей официальной женой и на том спасибо» [ПМА: № 7].

Из вышеуказанного следует, что для современных девушек по-прежнему получение одобрения со стороны родителей – значимый

¹ Русских Т. Н. Этнографическое исследование Глазовского, Кезского, Якшур-Бодьинского, Дебесского, Игринского, Алнашского районов, а также городов Глазова, Ижевска, Можги 2003–2011 гг. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 31.

² Русских Т. Н. Этнографическое исследование Глазовского, Кезского, Якшур-Бодьинского, Дебесского, Игринского, Алнашского районов, а также городов Глазова, Ижевска, Можги 2003–2011 гг. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 22.

момент. В свою очередь стремление избранника познакомиться с родителями девушки и представление избранницы своим родителям расценивается ими как показатель серьёзных намерений юноши. Но и здесь есть исключения: девушки, которые не настроены на заключение брака и выстраивание продолжительных отношений с избранником, игнорируют знакомство с родителями. Также необходимо отметить, что для родителей девушек, в отличие от родителей юношей, вопрос этнической принадлежности будущего зятя является актуальным. К избраннику из иноэтничной среды относятся особенно настороженно, поскольку здесь срабатывает стереотип, что представитель другого этноса может подавлять женщину-удмуртку в браке. Чтобы стать «своим» среди новых родственников ему нужно пройти условный «испытательный срок». И лишь, когда родители убедятся, что их дочь счастлива, можно констатировать его завершение. В сельском социуме, где, как и раньше, считается, что любая женщина обязана реализовать себя как хорошая жена достойного мужа [22, 167], избранники из стран ближнего зарубежья воспринимаются как ненадёжные, поскольку они приехали, чтобы зарабатывать деньги, а не обзаводиться семьей и хозяйством.

Совместный быт и воспитание детей

Все семьи наших героинь являются нуклеарными, т. е. состоят из двух поколений – родителей и детей. Причины отделения молодых от родителей разные. Но практически все из них обусловлены морально-психологическим фактором: желание молодых жить отдельно, самостоятельно строить свою семью. Вместе с тем чувства привязанности и долга перед престарелыми родителями, а также необходимость помощников в воспитании малолетних детей способствуют сохранению связей со старшими членами семьи: «Свёкор со свекровью живут в Ижевске, но отдельно от нас. Они не навязываются нам, а мы – им. Мои родители живут в деревне, недалеко от Ижевска. К ним я езжу чаще» [ПМА: № 11]. «Мы живём отдельно от наших родителей. Но у нас хорошие отношения. По мере возможности помогаем и тем, и тем. А они помогают нам» [ПМА: № 3].

Но были случаи, когда молодая семья была вынуждена отделиться от старшего поколения из-за непростых отношений снохи с новыми родственниками. Так, отношения героини, вышедшей замуж за русского старообрядца,

с новыми родственниками складывались тяжело: «Ой, мы раньше жили в маленьком деревянном доме. С нами жили бабушка и дедушка мужа, его родители и вот мы – молодая семья. Мы уже было строиться начали, дом был ещё не достроен, но баня у нас уже была готова. Я мужу говорю, всё хватит, не могу больше этого терпеть, пока дом строим, будем жить в бане. Ребёнок уже у нас тогда был, 2 года. В бане жили до поздней осени, потом дом более-менее под крышу поставили и стали в доме жить, постепенно его достраивать. Со свекровью отношения были более или менее. Меня не принимала бабушка мужа. И вот когда эта бабка умерла, мы со свекровью нормально стали жить» [ПМА: № 2].

Необходимо отметить, что из 16 семейных пар, интервьюируемых нами, лишь 9 состоит в официальном браке. Женщины, живущие в «гражданском браке», объясняют свой выбор тем, что штамп в паспорте не может гарантировать им счастливую семейную жизнь или защитить от семейных измен: «Он изначально мне ничего не обещал, не говорил никогда, что женится на мне. И, наверное, это хорошо, потому что он был честен со мной. Потом его родители все-таки настаивали на свадьбе, но мне уже не хотелось» [ПМА: № 4]. «Я уже была один раз в браке, ничего хорошего у меня не вышло. Поэтому во второй раз замуж я не спешу. Так и живём вместе. Главное же это не штамп, а можете ли вы вместе жить и как вы себя чувствуете в этих отношениях» [ПМА: № 9].

Четыре семьи, опрошенные нами, – это неполные семьи, состоящие из матери и ребёнка. Главным мотивом для женщин в таких семьях стала реализация себя, как матери, а не как жены: «Я изначально планировала, что мы будем жить с ребёнком вдвоём. Сначала он принимал участие, приезжал, помогал, а потом постепенно отношения сошли на нет. Но у меня никаких претензий к нему нет» [ПМА: № 8]. «В загс он меня не звал и не позовёт, поскольку там, на его родине, у него есть официальная семья. Он это и не скрывал от меня. Его жена всё знает и относится к этому хорошо. Она даже приглашала нас с дочкой в гости. Смешно даже, ведь по сути женщины ревнуют своих мужиков. А я вот согласилась и на такие отношения. Он полгода с нами живёт, потом на полгода к себе туда уезжает. Но даже если он там, то он всегда просит своих друзей присматривать за нами, помогать. Поэтому я не чувствую, что мне

тяжело. Деньгами он также нам помогает, никогда не обижает» [ПМА: № 7].

Лишь в одном случае женщина призналась, что не рассчитывала быть матерью-одиночкой: «Конечно же, я не думала, что так получится и так сложится. Я же была совсем молодая. Думала, что если он за мной ухаживает, то тоже любит меня, увезёт меня к себе в Азербайджан, но у него были другие планы» [ПМА: № 5].

По признаниям респондентов, вне зависимости от того, какой этнической принадлежности их супруг, все домашние обязанности выполняются вместе или по договорённости, в семьях присутствует взаимопомощь и выручка. «Материальное благополучие семьи было полностью на нём. Но он и по хозяйству помогал мне, кто что успеет – это и делает» [ПМА: № 4]. «Домашние дела я стараюсь взять на себя. Он у меня вообще по долгу службы много работает, я стараюсь его подстраховать. Тем более, что я сейчас временно не работаю» [ПМА: № 11]. «Каждый делает то, что может. Единственное, конечно, я сразу сказала мужу, что огород – это не моё. Я туда буду выходить только, чтоб горох поесть. По дому всё буду делать: убирать, стирать, готовить, но огород – точно нет. Вот я и не делаю ничего в огороде» [ПМА: № 1].

Если семья полная, то в воспитании детей участие принимают оба родителя, делается акцент на привитие ценностей этнических культур обоих родителей: отмечают национальные праздники, готовятся традиционные блюда, звучит национальный язык. Как признаются сами удмуртки, они научились готовить любимые национальные блюда своих избранников, овладели их языком, стараются выполнять или, по крайней мере, не нарушать принятые традиции и нормы, но при этом они не потеряли своей этнической идентичности: «После того как я вышла замуж за азербайджанца, начала лучше понимать свою родную удмуртскую культуру. Так или иначе, во многих ситуациях в голове происходит сравнение, что вот у них так делают, а у нас бы по-другому поступили. А от этого я как-то больше себя удмурткой начала ощущать. И начала с детьми говорить на удмуртском языке, а муж с ними на азербайджанском разговаривает. Чтобы лучше понимать своего мужа и его родственников я постепенно освоила и их язык. Мы отмечаем и удмуртские праздники, и азербайджанские, и христианские, и исламские. У нас какой-то ви-

негрет может быть, но дети должны знать и его культуру, и мою культуру» [ПМА: № 6].

«Я никогда не скрывала от своей дочери, что её папа – таджик. Это и не скроешь, она же у меня на удмуртку не похожа: кожа смуглая, волосы чёрные. Но воспитывала я её в удмуртской среде, среди своей родни. Может быть, если бы папа принимал участие в воспитании, у меня была бы возможность знакомить с таджикской культурой. Как-то её отец сказал мне, что она должна быть мусульманкой. А я ответила, что у меня нет условий, чтобы мусульманку воспитывать. Она у меня разговаривает хорошо на удмуртском, ощущает себя удмурткой. Но сейчас я начинаю замечать, что её ислам притягивает, видимо отцовские гены дают о себе знать» [ПМА: № 8].

«Мы живём в Удмуртии, наши дети ходят в обычную деревенскую школу и изучают удмуртский язык. В Азербайджан мы ездили почти каждое лето, и пока там жили, они у меня тоже уже начинали понимать азербайджанский, но не говорили на нём. Я сама так его и не выучила. Муж настаивал на том, что дочки должны принять ислам и выйти замуж за азербайджанца. У нас в планах был даже переезд в Азербайджан, но муж умер, и планы так и не сбылись. И вот теперь моя старшая дочь хочет принять ислам в память о своём отце. Конечно же, я не буду этому противиться» [ПМА: № 3].

Согласно собранным нами данным, можно зафиксировать изменение отношения молодых женщин к официальному браку. В условиях натурального хозяйства, где тяжёлый физический труд был неотъемлемым спутником любой хозяйственной деятельности «удмуртка была значима лишь при муже» [23, 57], поэтому брак, засвидетельствованный сельской общиной и родственниками, был важен для женщин. Постепенная демократизация внутрисемейных отношений в советское время привела к изменению положения женщины: она стала полноправным и равноправным членом общества. Но официальный брак по-прежнему был для неё значим, о чем свидетельствуют интервью сельских удмурток 1930–1950-ых годов рождения, которые пытались сохранить семью любой ценой. Думается, что тому было несколько причин. Во-первых, отсутствие мужа не только усложняет воспитание детей, но и затрудняет ведение хозяйства в сельских условиях. Во-вторых, половая дисгармония послевоенных лет сказалась на половой морали и психологических установках людей.

Послевоенное поколение, испытав тяготы безотцовщины, резко осуждало женщин, родивших ребёнка вне брака. О них отзывались, как о гулящих, называя их «*алача*» (букв.: профурсетка), «*калгись кышино*» (букв.: гуляющая женщина), а детей рождённых вне брака – «*мирошка*» (букв.: незаконнорожденный), «*курам кидыс*» (букв.: просватанное семья). У опрошенных нами девушек-удмурток, как сельских, так и городских, вторичная социализация которых приходится на рубеж XX–XXI вв., во многом изменились приоритеты и взгляды по сравнению с женщинами старшего поколения. Они получают образование, реализуют себя в профессии, стремятся к финансовой независимости, что, несомненно, ведёт к отсрочке вступления в брак, а также повышает требовательность девушек к своим реальным или предполагаемым супругам. Но при этом семья по-прежнему для них остаётся социальной ценностью, и каждая девушка мечтает о создании крепкой семьи, где мужчина будет опорой и защитой, где она сможет реализовать себя как жена и мать. В зафиксированных нами интервью, прослеживается изменение отношения к официальному браку особенно среди женщин, имеющих негативный опыт семейной жизни. Таких женщин не пугает статус матери-одиночки, а также наличие детей, рождённых вне брака.

Социокультурные барьеры

Устные истории, проанализированные нами в данной статье, позволяют выделить и некоторые социокультурные барьеры. Наиболее распространённый из них – языковой. Он остро стоит в самом начале отношений: «Когда мы переехали и стали жить в татарской деревне вместе с его родственниками, я уставала и от незнакомого языка, и от манеры общения их. Меня раздражало, что при мне они общались на татарском между собой. Удмурты так бы не поступили. Мне казалось, что вдруг они про меня плохо говорят, а чтобы я не поняла, говорят это на татарском. Но постепенно я привыкла. Сейчас я не только понимаю этот язык, но и сама говорю на нём» [ПМА: № 10].

«Когда мы приехали в Азербайджан в первый раз, в его родную деревню, то естественно мы не понимали их языка, а они не знали русского. Всё общение со свекровью происходило с помощью жестов. Там был его брат старший, и вот только он переводил, что свекровь говорила» [ПМА: № 6].

Ещё одним барьером становилась проблема сформированных негативных стереотипов в отношении иноэтничных представителей и стремление старших поколений родственников к «этнической чистоте». Так, респондент, вспоминая историю своей мамы, делится следующими размышлениями: «Ну, представьте, 1970-е гг. маме 20 лет и она возвращается в деревню беременная и без мужа. Это же осуждение такое, родителям было стыдно за неё. В этот момент я не могу понять отца, хотя, что, значит, не могу? Я же не была на его месте. Он в угоду своей матери и родственникам отказался от своей любимой девушки, которая ждала его ребёнка. Они татары не могли принять в семью удмуртку. Да я вот иногда и сейчас слышу в мечети разговоры среди женщин, что вот тот-то и тот-то женился, а она не татарка. И я не могу понять? Ну и что, что не татарка. Она что какая-то кривая или косая что ли от этого?» [ПМА: № 11].

Тяжело складывались отношения удмуртки с новыми родственниками-старообрядцами, в данном случае бабушкой супруга, поскольку старшее поколение выступало своего рода блюстителем традиционных нравов: «Свекровь-то моя всегда молчала, она и против не высказывалась, и не заступалась за меня. С бабушкой мужа отношения были плохие. Она меня называла поганкой, говорила, что я всё не так делаю, что мы удмурты – грязнули. Я молодая была тогда, очень переживала, но старалась не перечить. Слушала и всё делала, как она скажет» [ПМА: № 2]. Способом выхода из сложившейся конфликтной ситуации стало дистанцирование от родственников, которые не смогли принять молодую сноху.

Необходимо отметить, что подобное неприятие со стороны старшего поколения испытывали не только удмуртки, вышедшие замуж за старообрядцев, но и девушки-староверки, породнившиеся с удмуртами. Один из авторов статьи, будучи в этнографической экспедиции в Дебесском районе Удмуртии в 2016 г., стал свидетелем разговора, в котором родственники-удмурты выражали крайнее удивление выбором юноши в качестве супруги девушки из семьи старообрядцев: «Они ж своих неохотно замуж за наших отдают». Объяснение было дано мамой юноши: «Просто она уже в девках засиделась, видимо никто замуж её не брал, вот им и пришлось отдать»¹.

¹ Русских Т. Н. Этнографическое исследование Глазовского, Кезского, Якшур-Бодьинского, Дебесского, Игринского, Алнашского районов, а также городов Глазова, Ижевска, Можги 2003–2011 гг. // НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1598. Л. 24.

Немало конфликтов в межэтнических браках вызывало следование традициям, которые воспринимались старшим поколением как неизблемые. Молодёжь считала их рудиментом, а если сноха была представителем другого этноса, то она могла и не знать всех тонкостей иноэтнической культуры: «Помню вот она (бабушка мужа – Т. Р.) говорила, что баня – это поганое место, поэтому если в баню сходил, то после бани нужно обязательно вымыть руки и лицо. Все банные принадлежности ни в коем случае нельзя заносить домой. Вот, например, когда в нашей семье свинью резали, то воду в бане грели, могли и ковш из бани взять, чтобы обливать тушу. У староверов это не допустимо. Нижнее бельё нужно стирать отдельно от полотенец, которыми лицо вытираешь. Однажды помню, я встала рано утром и пошла стирать. Раньше же не было стиральных машин, всё приходилось вручную делать. Семья у нас была большая: свёкор со свекровью, старая бабушка и дед, и мы с мужем. И вот получается три комплекта постельного белья нужно было выстирать, прополоскать и развесить. Я всё накануне замочила, потом на следующий день постирала вручную. Полоскали мы всё это на улице, вода холодная – руки мёрзнут. Только развесила бельё, выходит эта старая бабка, ругает меня, что я поганая удмуртка погано постирала и начинает стаскивать бельё с верёвок и втаптывать в грязь» [ПМА: № 2]. На примере данной ситуации мы видим столкновение двух укладов жизни: с одной стороны, это традиционный уклад жизни старообрядцев, к которому пытались приучить молодую сноху, с другой стороны – несоответствие этих требований привычным нормам повседневной жизни молодой удмуртки.

Одной из причин конфликтов было разное представление о положении мужчины и женщины в семье. Такие истории были зафиксированы нами в семьях удмурток и азербайджанцев: «Однажды в клубе был очень неприятный случай, который меня унизил. Он разговаривал с мужчинами и говорил, что, мол, вы, вотяки, распустили своих женщин, что женщина должна подчиняться мужчине. Я со своими подругами стояла подальше, но краем уха его разговор слышала. И вот он взял и выбросил свой окурочок на землю, а потом обратился ко мне: “Принеси мне окурочок! Быстро!”. В этот момент я не знала, как поступить. Я испугалась его агрессивности. Я пошла и принесла этот окурочок, чтобы дома не было скандала. Он меня унизил этим при всех односельчанах» [ПМА: № 4].

«Конечно же, он у нас в семье главный. Последнее слово всегда остаётся за ним. Он может многое делать, не посоветовавшись со мной. Меня это раздражает. Я так не привыкла, мои родители так не жили. Почему это его слово должно быть решающим? Ведь и дети ко мне потом так же относятся. Я как мама могу говорить-говорить, но меня никто не слышит и не слушает, а вот если папа сказал – это уже закон» [ПМА: № 6]. Несмотря на то, что нашим респонденткам пришлось столкнуться с подобными барьерами, каждая нашла возможности их преодоления: овладела новым языком; приняла иноэтнические традиции и нормы поведения; дистанцировалась, чтобы не усугублять конфликт и т. д. Выбранные ими стратегии оказались верными, об этом свидетельствуют их крепкие семьи, а также «выровнявшиеся» со временем отношения с родственниками супруга.

Обсуждение и заключение

Обобщив всё вышесказанное, необходимо сделать вывод о том, что в Удмуртии, являющейся полиэтничным и поликонфессиональным регионом, тенденция к увеличению смешанных браков сохраняется. В изученных нами семейных союзах каждый из супругов сохранил своё этническое самосознание, более того, по признаниям некоторых респондентов, в межэтническом браке оно обострилось. Для всех описанных нами семей основной язык общения – русский, но каждый из родителей, так или иначе, на бытовом уровне учит детей своему родному языку, рассказывает о традициях своего этноса. В большинстве семей стараются отмечать значимые праздники обоих этносов. В связи с этим этническая идентичность детей, родившихся в межэтническом браке, формируется по-разному. Так, в удмуртско-русских семьях дети ощущают себя русскими. В удмуртско-татарских, удмуртско-грузинских, удмуртско-азербайджанских, удмуртско-узбекских и удмуртско-таджикских семьях дети называют себя «полукровками», «метисами», имея в виду под данными обозначениями то, что они являются носителями двух культурных традиций. Необходимо отметить, что в современном сельском, преимущественно удмуртском социуме, о детях, рождённых в межэтнических браках, отзываются, как о «необычайно красивых», «умных», «талантливых», отмечают их бойкость и умение постоять за себя. Дети, воспринимаяющие себя носителями двойной этнической идентичности, проявляют активный

интерес к этнической культуре и родным языкам своих родителей, что позволяет им сформировать культурный багаж, дающий возможность понимать образ жизни других народов, облегчающий межкультурную коммуникацию в «смешанном» коллективе родственников и дающий возможность мимикрировать в иноэтнической среде. В неполных семьях, опрошенных нами, как правило, этническая идентичность ребёнка совпадала с этнической принадлежностью матери.

В религиозной сфере происходит сохранение конфессиональных предпочтений супругов. Что касается детей, то им в этом вопросе дана свобода выбора. Родители считают, что когда дети подрастут, сами определяют, к какой конфессии они будут принадлежать.

В семьях представителей разных этнических групп, но принадлежащих к одной – православной конфессии (в нашем случае это удмуртско-

русские семьи) практически не зафиксированы конфликты и неприятие снохи со стороны новых родственников. Отношения снохи складывались более или менее гладко как со свекровью и свёкром, так и с другими родственниками со стороны супруга. Возможно, это связано с тем, что удмурты и русские имеют давний опыт совместной жизни на территории Удмуртии, а потому быт, культура этих этносов на сегодняшний день во многом схожи. По-иному обстоят дела в семьях представителей разных этнических групп, имеющих разные религиозные предпочтения. Здесь мы наблюдаем наличие определённых барьеров, которые удмурткам приходилось преодолевать для того, чтобы сохранить целостность своей семьи. Пути выхода из конфликтных ситуаций избирались разные: от поиска совместных компромиссов, до кардинального обособления и ограничения общения с новыми родственниками.

Список источников и литературы

1. Ахметов Р. Ш., Святоха Н. Ю., Филимонова И. Ю. Этническая самоидентификация детей в межнациональных семьях (на примере Оренбургской области) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6. № 3. С. 324–331. DOI:10.37279/2309-7663-2020-6-3-324-331.
2. Белорукова Г. П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): сборник статей. Устинов: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров УАССР, 1986. С. 117–122.
3. Владыкин В. Е. Естественно-исторические и этнокультурные основания традиционной толерантности удмуртов // Инвожо. 2007. № 5–6. С. 17–23.
4. Волков А. Г. Избранные демографические труды. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 567 с.
5. Губанова А. В. Женщина в межнациональном браке: культурная диффузия в реальной жизни // Актуальные проблемы философии и социологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2021. С. 45–47.
6. Данильченко Г. Д. Социально-деструктивные барьеры межэтнических браков (на материале устных историй жителей Киргизии) // Управление коммуникациями: Сборник статей Первой международной научно-практической конференции. М.: Московский гос. лингвистический ун-т, 2022. С. 100–106.
7. Даровских О. В. Межэтнические браки в Республике Алтай: типология // Алтай – Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2016. С. 35–40.
8. Коростелев А. Д. Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам экспедиций 2006 и 2007 гг.) // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: сб. статей. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 54–93.
9. Коростелев А. Д. Межэтнические браки в этнически смешанных селениях Приуралья и Поволжья (по материалам экспедиций 2006, 2007 и 2008 гг.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 22–34.
10. Кудзиева Ф. Р., Чихтисов Р. А., Габуева А. Р. Социокультурная адаптация женщины в межэтническом браке на Северном Кавказе // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 109–119.
11. Лаллука С. Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов. СПб.: Европейский Дом, 1997. 391 с.
12. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. Вятка: Типо-литография М. П. Фроловой, 1901. 298 с.
13. Лурье С. В. Особенности динамики межэтнических браков в РФ // Межэтнические отношения и процессы в современном мире: материалы всероссийской с международным участием научной конференции, посвящённой 95-летию доктора философских наук, профессора В. И. Затева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2019. С. 89–95.
14. Лурье С. В. Особенности формирования этнической идентичности на примере потомков от межэтнических браков российских корейцев // Межнациональная семья в полиэтничном обществе: региональный и глобальный контекст. Уфа: Первая типография, 2019. С. 10–18.

15. Малкова А. А. Этническая идентификация женщин, состоящих в межэтническом браке // Вестник ЮУрГУ. Серия Психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 83–93. DOI: 10.14529/psy170408.
16. Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 440 с.
17. Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 262 с.
18. Политаева Е. Е. Межэтнические браки в современном обществе // Человек и общество: исследования, анализ, прогноз. Материалы V Всероссийской студенческой научно-практической конференции, посвящённой 30-летию РГСУ и факультета социологии РГСУ и приуроченной к празднованию Дня социолога. М.: Российский гос. социальный ун-т, 2021. С. 344–349.
19. Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX – 90-е гг. XX века). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 241 с.
20. Попова Е. В. Современные процессы межэтнического и межкультурного взаимодействия удмуртов – жителей смешанных селений // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья: Сб. статей. М.: ИЭА РАН, 2009. С. 132–159.
21. Пятаева А. К. Специфика внутрисемейных отношений в межэтнических браках // Российская наука: актуальные исследования и разработки: Сборник научных статей XV Всероссийской научно-практической конференции в 2-х частях. Самара: Самарский гос. экономический ун-т, 2023. Ч. 1. С. 345–348. DOI: 10.46554/Russian.science-2023.03-1-345/348.
22. Русских Т. Н., Касимова Д. Г. Социальные роли сельской женщины-удмуртки в 1940–1960-е гг.: сюжеты и сценарии (на примере Глазовского района Удмуртии) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 3. С. 165–177.
23. Семенова Л. И. Культура и быт современной удмуртской сельской семьи: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 124 с.
24. Уваров С. Н. Межнациональные браки в Удмуртской АССР в 1930-е гг. // Вестник РУДН. Серия История России. 2014. № 4. С. 133–144.
25. Уваров С. Н. Межэтнические браки в Удмуртии в XX веке // Вестник антропологии. 2015. № 3. С. 135–144.
26. Уваров С. Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1959–1989 гг. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2019. 283 с.
27. Уваров С. Н. Брак и семья в Удмуртии в 1939–1959 гг. // Вестник РУДН. Серия История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 136–154. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154.
28. Чеботарева Е. Ю. Согласованность жизненных и семейных ценностей супругов в межэтнических и межконфессиональных браках // Психологические проблемы современной семьи: Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2018. С. 384–392.
29. Чеботарева Е. Ю., Кониная М. А., Руденко А. С. Этническая идентичность русских женщин в межэтнических браках и её связь с привязанностью к супругу и сепарацией от родителей // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2020. Т. 17. № 1. С. 101–127. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-1-101-127.
30. Чубур А. А. Когда появились межэтнические браки? Межплеменные браки в древних обществах центра Восточной Европы: археологические свидетельства // Межнациональная семья в полиэтничном обществе: региональный и глобальный контекст. Уфа: Первая типография, 2020. С. 191–197.
31. Шкляев Г. К. Межэтнические отношения в Удмуртии: опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 213 с.
32. Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов: монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 500 с.
33. Шулакова Н. Н. Межэтнические браки в среде удмуртской молодёжи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10. Ч. 3. С. 215–217.
34. Alba R., Nee V. Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 384 p.
35. Butera R., Warin T. Chinese interethnic marriage: passion or rational choice? // International Journal of Economics and Business Research, Inderscience Enterprises Ltd. 2012. Vol. 4. Issue 6. Pp. 738–762. DOI: 10.1504/ijebr.2012.049536.
36. Buunk A., Dijkstra P. Sex and Marriage with Members of Other Ethnic Groups // Cross-Cultural Research. 2017. Vol. 51. Issue 1. Pp. 3–25. DOI: 10.1177/1069397116677958.
37. Demarest L., Haer R. A perfect match? The dampening effect of interethnic marriage on armed conflict in Africa // Conflict management and peace science. 2021. Vol. 39. Issue 6. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/07388942211050875> (дата обращения: 11.07.2024)
38. Shair-Rosenfield S. To Marry or Not to Marry? Gender and Interethnic Group Trust // Journal of Race, Ethnicity, and Politics 2023. Vol. 8. Issue 3. Pp. 350–370. DOI: 10.1017/rep.2023.20.

Полевые материалы автора

ПМА – Полевые материалы автора. Этнографическое исследование Базезинского, Глазовского, Дебесского, Игринского районов, а также городов Глазова и Ижевска УР 2023–2024 гг. (Информанты: Удмуртско-русские семьи: № 1 – жительница Базезинского р-она, 1982 г. р.; № 2 – жительница Игринского р-на, 1968 г. р.; № 3 – жительница Базезинского р-на, 1953 г. р. Удмуртско-азербайджанские семьи: № 4 – жительница Базезинского р-на, 1984 г. р.; № 5 – жи-

тельница Балезинского р-на, 1981 г. р.; № 6 – жительница Балезинского р-на, 1972 г. р. Удмуртско-узбекская семья: № 7 – жительница г. Ижевск, 1949 г. р. Удмуртско-таджикская семья: № 8 – жительница г. Ижевск, 1979 г. р. Удмуртско-татарские семьи: № 9 – жительница Балезинского р-она, 1985 г. р.; № 10 – жительница Балезинского района, 1979 г. р.; Удмуртско-грузинская семья: № 11 – жительница г. Ижевск, 1979 г. р.).

References

1. Akhmetov R. Sh., Svyatokha N. Yu., Filimonova I. Yu. *Etnicheskaya samoidentifikatsiya detey v mezhnatsional'nykh sem'yakh (na primere Orenburgskoy oblasti)* [Ethnic self-identification of children in interethnic families (on the example of Orenburg Oblast)]. *Geopolitika i ekogeodinamika regionov* [Geopolitics and ecogeodynamics of regions], 2020, no. 6 (3), pp. 324–331. DOI: 10.37279/2309-7663-2020-6-3-324-331. (In Russian)
2. Belorukova G. P. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v srede gorodskogo naseleniya Udmurtskoy ASSR* [Interethnic relations among the urban population of the Udmurt ASSR]. *Sovremennoe gorodskoe naselenie Udmurtii (obraz zhizni i etnicheskie protsessy): sbornik statey* [Modern urban population of Udmurtia (lifestyle and ethnic processes): collection of articles]. Ustinov: Nauch.-issled. in-t pri Sovete Ministrov UASSR Publ., 1986. Pp. 117–122. (In Russian)
3. Vladykin V. E. *Estestvenno-istoricheskie i etnokul'turnye osnovaniya traditsionnoy tolerantnosti udmurtov* [Natural-historical and ethnocultural foundations of traditional tolerance of the Udmurt people]. *Invozho* [Invozho], 2007, no. 5–6, pp. 17–23. (In Russian)
4. Volkov A. G. *Izbrannye demograficheskie trudy* [Selected demographic works]. Moscow: Izdatel'skiy dom VShE Publ., 2014. 567 p. (In Russian)
5. Gubanova A. V. *Zhenshchina v mezhnatsional'nom brake: kul'turnaya diffuziya v real'noy zhizni* [A woman in an interethnic marriage: cultural diffusion in real life]. *Aktual'nye problemy filosofii i sotsiologii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh* [Actual problems of philosophy and sociology: materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2021. Pp. 45–47. (In Russian)
6. Danilchenko G. D. *Sotsial'no-destruktivnye bar'ery mezhetnicheskikh brakov (na materiale ustnykh istoriy zhiteley Kirgizii)* [Socio-destructive barriers of interethnic marriages (based on oral histories of Kyrgyz residents)]. *Upravlenie kommunikatsiyami: Sbornik statey Pervoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Communications management: Collection of articles of the First International scientific and practical conference]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet Publ., 2022. Pp. 100–106. (In Russian)
7. Darovskikh O. V. *Mezhetnicheskie braki v Respublike Altay: tipologiya* [Interethnic marriages in the Altai Republic: typology]. *Altay – Rossiya: cherez veka v budushchee. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 260-letiyu dobrovol'no vkhozhdeniya altayskogo naroda v sostav Rossiyskogo gosudarstva i 25-letiyu obrazovaniya Respubliki Altay* [Altai – Russia: through the centuries into the future. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 260th anniversary of the voluntary entry of the Altai people into the Russian state and the 25th anniversary of the formation of the Altai Republic]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2016. Pp. 35–40. (In Russian)
8. Korostelev A. D. *Mezhetnicheskie braki v etnicheski smeshannykh seleniyakh Priural'ya i Povolzh'ya (po materialam ekspeditsiy 2006 i 2007 gg.)* [Interethnic marriages in ethnically mixed villages of the Urals and the Volga region (on the materials of expeditions in 2006 and 2007)]. *Opyt vzaimodeystviya i vzaimnoy adaptatsii v etnicheski smeshannykh seleniyakh Uralo-Povolzh'ya: sb. statey* [Experience of interaction and mutual adaptation in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: collection of articles]. Moscow: IEA RAN Publ., 2009. Pp. 54–93. (In Russian)
9. Korostelev A. D. *Mezhetnicheskie braki v etnicheski smeshannykh seleniyakh Priural'ya i Povolzh'ya (po materialam ekspeditsiy 2006, 2007 i 2008 gg.)* [Interethnic marriages in ethnically mixed villages of the Urals and the Volga region (based on the materials of expeditions in 2006, 2007, and 2008)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2010, no. 6, pp. 22–34. (In Russian)
10. Kudzieva F. R., Chikhtisov R. A., Gabueva A. R. *Sotsiokul'turnaya adaptatsiya zhenshchiny v mezhetnicheskom brake na Severnom Kavkaze* [Sociocultural adaptation of a woman in an interethnic marriage in the North Caucasus]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2023, no. 2, pp. 109–119. (In Russian)
11. Lallukka S. *Vostochno-finskie narody Rossii: analiz etnodemograficheskikh protsessov* [East Finnish peoples of Russia: analysis of ethnodemographic processes]. Saint-Petersburg: Evropeyskiy Dom Publ., 1997. 391 p. (In Russian)
12. Luppov P. N. *Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh izvestiy o nikh do XIX veka* [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. Vyatka: Typical lithography by M. P. Frolova Publ., 1901. 298 p. (In Russian)
13. Lurie S. V. *Osobennosti dinamiki mezhetnicheskikh brakov v RF* [Features of the dynamics of interethnic marriages in the Russian Federation]. *Mezhetnicheskie otnosheniya i protsessy v sovremennoy mire: materialy vs Rossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu doktora filosofskikh nauk, professora V. I. Zateeva* [Interethnic relations and processes in the modern world: materials of the All-Russian scientific conference with international participation dedicated to the 95th anniversary of the Doctor of Philosophy, Professor V. I. Zateev]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo un-ta Publ., 2019. Pp. 89–95. (In Russian)
14. Lurie S. V. *Osobennost' formirovaniya etnicheskoy identichnosti na primere potomkov ot mezhetnicheskikh brakov rossiyskikh koreytssev* [Peculiarity of the formation of ethnic identity on the example of descendants from interethnic marriages

- of Russian Koreans]. *Mezhnatsional'naya sem'ya v polietnichnom obshchestve: regional'nyy i global'nyy kontekst* [Interethnic family in a multiethnic society: regional and global context]. Ufa: Pervaya tipografiya Publ., 2019. Pp. 10–18. (In Russian)
15. Malkova A. A. *Etnicheskaya identifikatsiya zhenshchin, sostoyashchikh v mezhetnicheskom brake* [Ethnic identification of women in interethnic marriage]. *Vestnik YuUrGU. Seriya Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"], 2017, no. 10 (4), pp. 83–93. DOI: 10.14529/psy170408. (In Russian)
16. Olson L., Adonyeva S. *Traditsiya, transgressiya, kompromiss: Miry russkoy derevenskoy zhenshchiny* [Tradition, transgression, compromise: The worlds of a Russian village woman]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 440 p. (In Russian)
17. Pimenov V. V. *Udmurty. Opyt komponentnogo analiza etnosa* [The Udmurts. Experience of component analysis of an ethnic group]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 262 p. (In Russian)
18. Politaeva E. E. *Mezhetnicheskie braki v sovremennom obshchestve* [Interethnic marriages in a modern society]. *Chelovek i obshchestvo: issledovaniya, analiz, prognoz. Materialy V Vserossiyskoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 30-letiyu RGSU i fakul'teta sotsiologii RGSU i priurochennoy k prazdnovaniyu Dnya sotsiologa* [Man and society: research, analysis, forecast. Materials of the V All-Russian Student scientific and practical conference dedicated to the 30th anniversary of the Russian State Pedagogical University and the Faculty of Sociology of the Russian State Pedagogical University and dedicated to the celebration of the Day of the Sociologist]. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy sotsial'nyy universitet Publ., 2021. Pp. 344–349. (In Russian)
19. Popova E. V. *Semeynye obychai i obryady besermyan (konets XIX – 90-e gg. XX veka)* [Family customs and rituals of the Besermyans (late XIX – 90s of the XX centuries)]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1998. 241 p. (In Russian)
20. Popova E. V. *Sovremennye protsessy mezhetnicheskogo i mezhkul'turnogo vzaimodeystviya udmurtov – zhiteley smeshannykh seleniy* [Modern processes of interethnic and intercultural interaction of the Udmurts – residents of mixed villages]. *Opyt vzaimodeystviya i vzaimnoy adaptatsii v etnicheski smeshannykh seleniyakh Uralo-Povolzh'ya: Sb. statey* [The experience of interaction and mutual adaptation in ethnically mixed villages of the Ural-Volga region: Collection of articles]. Moscow: IEA RAN Publ., 2009. Pp. 132–159. (In Russian)
21. Pyataeva A. K. *Spetsifika vnutrisemeynykh otnosheniy v mezhetnicheskikh brakakh* [Specificity of intra-family relations in interethnic marriages]. *Rossiyskaya nauka: aktual'nye issledovaniya i razrabotki: Sbornik nauchnykh statey XV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v 2-kh chastyakh* [Russian science: current research and development: Collection of scientific articles of the XV All-Russian scientific and practical conference in 2 parts]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet Publ., 2023. Part 1. Pp. 345–348. DOI: 10.46554/Russian.science-2023.03-1-345/348. (In Russian)
22. Russkikh T. N., Kasimova D. G. *Sotsial'nye roli sel'skoy zhenshchiny-udmurtki v 1940–1960-e gg.: syuzhety i stsenarii (na primere Glazovskogo rayona Udmurtii)* [Social roles of rural Udmurt women in the 1940–1960s: plots and scenarios (on the example of Glazovsky District of Udmurtia)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, no. 12 (3), pp. 165–177. (In Russian)
23. Semyonova L. I. *Kul'tura i byt sovremennoy udmurtskoy sel'skoy sem'i: Monografiya* [Culture and life of the modern Udmurt rural family: Monograph]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1996. 124 p. (In Russian)
24. Uvarov S. N. *Mezhnatsional'nye braki v Udmurtskoy ASSR v 1930-e gg.* [Interethnic marriages in the Udmurt ASSR in the 1930s]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2014, no. 4, pp. 133–144. (In Russian)
25. Uvarov S. N. *Mezhetnicheskie braki v Udmurtii v XX veke* [Interethnic marriages in Udmurtia in the XX century]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2015, no. 3, pp. 135–144. (In Russian)
26. Uvarov S. N. *Etnodemograficheskie protsessy v Udmurtii v 1959–1989 gg.: monografiya* [Ethno-demographic processes in Udmurtia in 1959–1989: monograph]. Izhevsk: FGBOU VPO Izhevskaya GSHA Publ., 2019. 283 p. (In Russian)
27. Uvarov S. N. *Brak i sem'ya v Udmurtii v 1939–1959 gg.* [Marriage and family in Udmurtia in 1939–1959]. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2020, no. 19 (1), pp. 136–154. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-1-136-154. (In Russian)
28. Chebotareva E. Yu. *Soglasovannost' zhiznennykh i semeynykh tsennostey suprugov v mezhetnicheskikh i mezhekfessional'nykh brakakh* [Consistency of life and family values of spouses in interethnic and interfaith marriages]. *Psikhologicheskie problemy sovremennoy sem'i: Sbornik materialov VIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Psychological problems of the modern family: Collection of materials of the VIII International scientific and practical conference]. Yekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskij universitet Publ., 2018. Pp. 384–392. (In Russian)
29. Chebotareva E. Yu., Konina M. A., Rudenko A. S. *Etnicheskaya identichnost' russkikh zhenshchin v mezhetnicheskikh brakakh i ee svyaz' s privyazannost'yu k suprugu i separatsiyey ot roditeley* [Ethnic identity of Russian women in interethnic marriages and its connection with attachment to a spouse and separation from parents]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogic* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2020, no. 17 (1), pp. 101–127. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-1-101-127. (In Russian)
30. Chubur A. A. *Kogda poyavilis' mezhetnicheskie braki? Mezhplemennyye braki v drevnikh obshchestvakh tsentra Vostochnoy Evropy: arkhologicheskie svidetel'stva* [When did interethnic marriages appear? Intertribal marriages in ancient societies of the center of Eastern Europe: archaeological evidence]. *Mezhnatsional'naya sem'ya v polietnichnom obshchestve: regional'nyy i global'nyy kontekst* [The interethnic family in a multiethnic society: regional and global context]. Ufa: Pervaya tipografiya Publ., 2020. Pp. 191–197. (In Russian)
31. Shklyayev G. K. *Mezhetnicheskie otnosheniya v Udmurtii: opyt istoriko-psikhologicheskogo analiza* [Interethnic relations in Udmurtia: the experience of historical and psychological analysis]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN Publ., 1998. 213 p. (In Russian)

32. Shklyayev G. K. *Ocherki etnicheskoy psikhologii udmurtov: monografiya* [Essays on the ethnic psychology of the Udmurts: monograph]. Izhevsk: UIYaL UrO RAN Publ., 2003. 500 p. (In Russian)
33. Shulakova N. N. *Mezhetnicheskie braki v srede udmurtskoy molodezhi* [Interethnic marriages among Udmurt youth]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Issues of theory and practice], 2015, no. 10, part 3, pp. 215–217. (In Russian)
34. Alba R., Nee V. *Remaking the American mainstream: Assimilation and contemporary immigration*. Cambridge: Harvard University Press, 2009. 384 p. (In English)
35. Butera R., Warin T. Chinese interethnic marriage: passion or rational choice? *International Journal of Economics and Business Research, Inderscience Enterprises Ltd*, 2012, no. 4 (6), pp. 738–762. DOI: 10.1504/ijebr.2012.049536. (In English)
36. Buunk A., Dijkstra P. Sex and Marriage with Members of Other Ethnic Groups. *Cross-Cultural Research*, 2017, no. 51 (1), pp. 3–25. DOI: 10.1177/1069397116677958. (In English)
37. Demarest L., Haer R. A perfect match? The dampening effect of interethnic marriage on armed conflict in Africa. *Conflict management and peace science*, 2021, no. 39 (6). Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/07388942211050875> (accessed July 11, 2024). (In English)
38. Shair-Rosenfield S. To Marry or Not to Marry? Gender and Interethnic Group Trust. *Journal of Race, Ethnicity, and Politics*, 2023, no. 8 (3), pp. 350–370. DOI: 10.1017/rep.2023.20. (In English)

Field materials of the author

Field materials of the author – *Polevye materialy avtora. Etnograficheskoe issledovanie Balezinskogo, Glazovskogo, Debesskogo, Igrinskogo rayonov, a takzhe gorodov Glazova i Izhevsk 2023–2024 gg. (Informanty: Udmurtsko-russkie sem'i: № 1 – zhitel'nitsa Balezinskogo rayona, 1982 g. r.; № 2 – zhitel'nitsa Igrinskogo rayona, 1968 g. r.; № 3 – zhitel'nitsa Balezinskogo rayona, 1953 g. r. Udmurtsko-azerbaydzhanskaie sem'yi: № 4 – zhitel'nitsa Balezinskogo rayona, 1984 g. r.; № 5 – zhitel'nitsa Balezinskogo rayona, 1981 g. r.; № 6 – zhitel'nitsa Balezinskogo rayona, 1972 g. r. Udmurtsko-uzbekskaya sem'ya: № 7 – zhitel'nitsa g. Izhevsk, 1949 g. r. Udmurtsko-tadzhikskaya sem'ya: № 8 – zhitel'nitsa g. Izhevsk, 1979 g. r. Udmurtsko-tatarskaie sem'yi: № 9 – zhitel'nitsa Balezinskogo rayona, 1985 g. r.; № 10 – zhitel'nitsa Balezinskogo rayona, 1979 g. r.; Udmurtsko-gruzinskaya sem'ya: № 11 – zhitel'nitsa g. Izhevsk, 1979 g. r.)* [Ethnographic study of the Balezinsky, Glazovsky, Debessky, Igrinsky Districts, as well as the cities of Glazov and Izhevsk in 2023–2024 (Informants: Udmurt-Russian families: no. 1 – resident of the Balezinsky District, 1982 year of birth; no. 2 – resident of Igrinsky District, 1968 year of birth; no. 3 – resident of the Balezinsky District, 1953 year of birth. Udmurt-Azerbaijani families: no. 4 – resident of the Balezinsky District, 1984 year of birth; no. 5 – resident of the Balezinsky District, 1981 year of birth; no. 6 – resident of the Balezinsky District, 1972 year of birth, Udmurt-Uzbek family: no. 7 – resident of Izhevsk, 1949 year of birth, Udmurt-Tajik family: no. 8 – resident of Izhevsk, 1979 year of birth, Udmurt-Tatar families: no. 9 – resident of the Balezinsky District, 1985 year of birth; no. 10 – resident of the Balezinsky District, 1979 year of birth; Udmurt-Georgian family: no. 11 – resident of Izhevsk, born in 1979 year of birth)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Русских Татьяна Николаевна, научный сотрудник, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (426067, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), кандидат исторических наук.

tatyana_russkih@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9637-3818

Уваров Сергей Николаевич, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Удмуртский государственный аграрный университет (426069, Российская Федерация, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11), кандидат исторических наук.

sergey.uvarov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-9245

ABOUT THE AUTHORS

Russkikh Tatyana Nikolaevna, Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426067, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Lomonosov Str., 4), Candidate of Historical Sciences.

tatyana_russkih@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9637-3818

Uvarov Sergey Nikolaevich, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Humanitarian Disciplines, Udmurt State Agricultural University (426069, Russian Federation, Udmurt Republic, Izhevsk, Studencheskaya Str., 11), Candidate of Historical Sciences.

sergey.uvarov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-9245